

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.16>

UDC 323.1
LBC 66.5

Submitted: 14.11.2017
Accepted: 20.05.2018

SOCIO-CULTURAL INTEGRATION AS A TOOL FOR ETHNIC CONFLICTS RESOLUTION IN THE NORTH CAUCASUS¹

Maksim E. Popov

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. The aim of the research is political analysis of contemporary theories and concepts of socio-cultural integration as peacebuilding and reconciliation strategies in the process of resolving ethnic contradictions in the North Caucasus. Latent and potential ethno-political conflicts are the most notable challenges and threats to civic and ethnic peace in the North Caucasus region. Today, a fundamental problem is emerging that requires a constructive solution in order to ensure political stability in the region – it is the promotion of multi-level socio-cultural integration. This paper explores the major political approaches to the study of conflict resolution strategy from a variety of interdisciplinary perspectives. The author attempts to answer a key research question based on the hypothesis that numerous unresolved conflicts and latent ethno-regional tensions have fundamental destructive consequences for political stability, socio-cultural integration, and regional security. The study argues that the potential escalation of ethnic conflict, determined by deep ethnic contradictions, is a direct consequence of large-scale macro-social disintegration, which creates a threat to the security of the multi-ethnic North Caucasus. The research question is that the modern strategy of constructive resolution of ethno-regional conflicts, based on inclusive socio-cultural integration, is a highly effective consolidation resource for peacebuilding in the North Caucasus. The author analyzes contemporary political theories, devoted to the study of the consolidating potential of socio-cultural integration, which determines the strategy of constructive conflict resolution in the unstable multi-ethnic North Caucasus. The paper concludes that socio-cultural integration as a tool for conflict resolution and peacebuilding can serve as a preventive method for managing ethno-regional conflicts.

Key words: political theory, sociocultural integration, integration policy, ethnic conflict, conflict theory, integration theory, the North Caucasus.

Citation. Popov M.E. Socio-Cultural Integration as a Tool for Ethnic Conflicts Resolution in the North Caucasus. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 4, pp. 186-196. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.16>

УДК 323.1
ББК 66.5

Дата поступления статьи: 14.11.2017
Дата принятия статьи: 20.05.2018

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

Максим Евгеньевич Попов

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу современных политических теорий социокультурной интеграции как способа конструктивного разрешения этнических противоречий на Северном Кавказе. Латентные и потенциальные этнополитические конфликты являются самыми заметными из современных вызовов и угроз гражданскому миру в северокавказском регионе. Становится очевидной фундаментальная проблема, требующая конструктивного решения в целях обеспечения политической стабильности в регионе – это действие многоуровневой интеграции. В исследовании утверждается, что эскалация этнической конфликтности является следствием масштабной социальной дезинтеграции, создающей угрозу региональной безопасности. Цель статьи – проанализировать базовые политологические теории и концепты, посвященные анализу социокультурной интеграции как способа конструктивного разрешения этнических конфликтов в

северокавказском регионе. По мнению автора, стратегия разрешения этнических конфликтов, основанная на социокультурной интеграции, является высокоэффективным ресурсом миростроительства и мироподдержания. На основе проведенного анализа делается вывод, что многоуровневая ценностно-нормативная модель интеграции может служить в основном превентивным методом управления этническими конфликтами на Северном Кавказе.

Ключевые слова: политическая теория, социокультурная интеграция, политика интеграции, этнический конфликт, теория конфликта, теория интеграции, Северный Кавказ.

Цитирование. Попов М. Е. Социокультурная интеграция как способ разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 4. – С. 186–196. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.16>

Введение

В сложносоставных обществах эскалация региональных конфликтов, к числу которых относятся трудноразрешимые этнические конфликты, обуславливает необходимость интеграционной политики, исключающей ассимиляционные и изоляционистские стратегии, уменьшающей вероятность этнорелигиозного насилия и обеспечивающей высокий уровень гражданской солидарности. Драматические события последних лет продемонстрировали тот факт, что этнические конфликты выходят за рамки региональных. Миротворческий контроль становится атрибутом глобальной безопасности: регионы этноконфессиональной нестабильности ассоциируются с потенциальными субъектами международного терроризма, что увеличивает стремление к поиску конструктивных способов разрешения региональных противоречий.

Цель статьи – рассмотреть как консолидирующий потенциал социокультурной интеграции может повлиять на стратегию разрешения этнических конфликтов в нестабильном северокавказском регионе. Основной задачей исследования является анализ современных теорий интеграции как инструмента миростроительства и мироподдержания (*peacebuilding and reconciliation strategy*) в процессе конструктивного разрешения этнических противоречий на Северном Кавказе. Российский этнополитический опыт показывает, что в постсоветские десятилетия конфликтная мобилизация этничности была обусловлена сепаратистскими и сепаратистскими целями. В ситуации продолжающейся структурной деформации гражданских институтов и роста социальных диспропорций региональ-

ные этнополитические противоречия могут «инициировать» новые конфликты. Социальные неравенства, аномия, экономическая поляризация, усиление идеологий фундаментализма и этнонационализма остаются основными причинами эскалации насилия на Северном Кавказе.

В работе предпринимается попытка ответить на ключевой вопрос исследования о том, что неразрешенные этнические конфликты и латентные напряженности имеют фундаментальные деструктивные последствия для политической стабильности и социальной солидарности. В исследовании утверждается, что потенциальная эскалация этнических конфликтов, детерминированная неразрешенными ценностными противоречиями, является следствием масштабной социальной дезинтеграции, создающей угрозу безопасности полиэтнического Северного Кавказа.

Методы

Методология настоящего исследования включает в себя комплексный междисциплинарный анализ политических теорий, посвященных изучению взаимосвязи социокультурной интеграции и стратегий конструктивного разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе.

Наиболее полный политологический анализ текущего состояния проблемы этнического насилия на Северном Кавказе был проведен Центром стратегических и международных исследований (CSIS) [3]. В рамках неофункционалистской политической теории возможность гражданского диалога с этническими сообществами путем альтернативного разрешения глубинных конфликтов упоминается

в новых работах Р. Гендрона и К. Бакке [5; 11]. Однако до сих пор отсутствуют исследования, посвященные возможности применения методов интеграционного миростроительства на Северном Кавказе в рамках теории конструктивного разрешения этнических конфликтов. Как отмечает Дж. Сенехи, в современной теории разрешения конфликтов «признание сложности межобщинных этнических конфликтов не только аналитически обосновано, но и имеет практические последствия. Специфичность и сложность этноконфликтов предполагает использование множественных площадок для вмешательства, множественных агентов урегулирования и решение интеграционных задач конфликтного управления в динамическом процессе социальных изменений» [20, р. 43].

В основе современной дискуссии по антиконфликтным и ценностно-нормативным проблемам социокультурной интеграции лежит вопрос о характере отношений между уровнем участия мигрантов в политической жизни принимающих сообществ и своей родины. По мнению С. Хантингтона, поддержание мигрантами связей со странами происхождения и партикулярными идентичностями этнических анклавов препятствует полной ассимиляции и политической интеграции в «мейнстрим-сообщество» [2, с. 352].

Э. Моравска ставит под сомнение идею о том, что транснациональные практики и социокультурная интеграция являются противоположными и взаимоисключающими процессами [18, р. 637]. По мнению П. Кивисто и Т. Фейста, социокультурная интеграция характеризуется зависимостью между ассимиляцией и транснационализмом [14, р. 310]. А. Портес и Р. Румбаут отмечают, что транснационализм предоставляет собой альтернативный ресурс содействия интеграции и социальной мобильности в принимающих сообществах, так как транснациональные практики создают навыки, которые мигранты могут использовать в странах назначения [19, р. 177].

Л. Моралес и М. Морариу указывают, что не только структуры политических, но и структуры дискурсивных возможностей в принимающих странах являются решающим фактором эффективной политики интеграции: это «региональная политика в отношении ассоци-

аций мигрантов, открытость органов государственной власти и формальных институтов, конфигурация местной власти, преобладающий миграционный дискурс» [17, р. 140].

По мнению Ж. Тилье и М. Феннемы, доступ к натурализации дает возможность голосовать и выставлять свою кандидатуру на выборах: гражданство неоднократно определялось в качестве фундаментального показателя социокультурной интеграции в демократических обществах. «После натурализации граждане могут расширить свое политическое включение путем голосования, посредством которого группы мигрантов становятся политическим сообществом и могут изменить политическую систему с избранными представителями» [11, р. 54]. Сегодня можно говорить о дихотомии между ассимиляцией и транснационализмом в этнорегиональной интеграционной политике: транснациональные практики способствуют дезэскалации этической напряженности и усиливают социокультурную интеграцию, так как они генерируют профессиональные навыки, которые могут быть полезны для политического участия этносоциальных субъектов.

В современных политических теориях социокультурной интеграции признается тот факт, что отсутствие миротворческих усилий «снизу-вверх», исходящих «изнутри» этнического сообщества и зависящих от уровня развития гражданского общества (а не государственных инициатив «сверху-вниз»), является одной из основных причин отказа от конструктивного разрешения региональных конфликтов, что в сочетании с увеличением государственного интервенционизма, может привести к драматической эскалации этнического насилия. По мнению А. Керля, «поскольку разрешение этнических конфликтов внешними органами и отдельными лицами до сих пор было малоэффективным (в хаотических условиях современного этнического конфликта, в частности в Сомали, Восточной Европе, бывшем СССР), необходимо учитывать миротворческий интеграционный потенциал самих конфликтующих сообществ» [8, р. 103].

В последние десятилетия в рамках политической теории разрешения этнических конфликтов разработана концепция «расширения этнических прав и возможностей» – «вос-

ходящего миростроительства» (bottom-up peacebuilding), то есть интеграционно-миротворческих, антиконфликтных процессов, начинающихся на локальном, гражданском и этнорегиональном уровнях.

Инновационный подход к урегулированию этнических конфликтов в рамках «восходящего миростроительства», предложенный А. Керлем и Дж. Ледераком, предполагает, что процессы конструктивного разрешения конфликтов должны происходить на «низовом уровне» и затем перерастать в макросоциальные процессы социокультурной интеграции и политического диалога. Как отмечает Дж. Ледерак, «принцип расширения этнических прав и возможностей предполагает, что стратегия конструктивного разрешения регионального конфликта должна всесторонне интегрировать и поощрять человеческие и культурные ресурсы в пределах определенной конфликтной ситуации» [16, р. 84].

Анализ

Исторически Северный Кавказ – это важнейший геостратегический макрорегион, формирующий южную геополитическую границу России. В макросоциальной перспективе северокавказский регион становится ключевым фактором макросоциальной стабильности и политической интеграции всей России. Связь России с Закавказьем и, как следствие, ее способность оказывать геополитическое влияние на три независимые республики региона во многом зависят от стабильности на Северном Кавказе. Кровопролитная война в Чечне показала уязвимость Северного Кавказа в вопросах эффективного противодействия этническому сепаратизму и фундаментализму. Кроме того, многочисленные этнополитические конфликты в регионе высветили фундаментальную проблему поддержания территориальной целостности современной России.

Латентные и потенциальные этнополитические конфликты являются самыми заметными из современных вызовов и угроз гражданскому и этническому миру в северокавказском регионе. Сегодня становится очевидной фундаментальная проблема, требующая конструктивного решения в целях обеспечения

политической стабильности в регионе, – содействие многоуровневой социокультурной интеграции. По мнению С. Корнелла, «перспективы устойчивого мира на Северном Кавказе кажутся туманными, если не будут использоваться интеграционный потенциал демократических институтов и конструктивные подходы к разрешению глубинных этнических противоречий» [7, р. 419].

Этнический конфликт на Северном Кавказе включает в себя широкий спектр явлений и часто маскирует неравное распределение экономической или политической власти, религиозную идентификацию сторон, языковой и культурный конфликт, контроль над землей и территорией. Исторически этнополитические и этнотерриториальные конфликты в северокавказском регионе можно разделить на две основные категории, которые «перетекают» друг в друга: первый тип застарелых (deep-rooted conflicts) деструктивных этнических конфликтов – это внутрирегиональные этнополитические конфликты; второй тип – этносепаратистские конфликты между этническими сообществами и федеральной властью. Пять фундаментально неразрешенных этнических противоречия на Северном Кавказе остаются потенциальными угрозами безопасности: 1) латентный сепаратизм в Чечне; 2) осетино-ингушские территориальные противоречия; 3) проблема единства лезгинского народа в Дагестане и Азербайджане; 4) скрытая проблема карачаевского и черкесского народов в республиках Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии; 5) конфликтно-генный потенциал Дагестана.

К середине 2000 гг. «движение сопротивления на Северном Кавказе стало религиозно мотивированным и приобрело масштабы регионального отделения всемирного боевого исламистского движения» [13, с. 71]. По словам М. Фальковского, «сегодня северокавказские повстанцы отождествляют себя с глобальной уммой – мировым сообществом мусульман, и самым важным элементом их нынешней идеологии является радикальный исламизм» [9, р. 103]. «Совершенно очевидно, – отмечает Е.Ф. Парубочая, – что сторонники международного джихада не имели бы в России поддержки, если бы не получали из-за рубежа финансовой помощи. Вопрос финанси-

вания является ключевым в рамках развития исламского фундаментализма в России, так как люди, проповедующие эту идею самостоятельно, зачастую ограничены в финансовых возможностях и стоят вне закона. Для их поддержки международные исламские фонды и организации выделяют колоссальные суммы» [1, с. 155].

Современный Северный Кавказ отличается от движения этнического сопротивления «дудаевской эры». Этносепаратизм сменился религиозным фундаментализмом, поддержкой радикального исламизма и так называемым «оборонительным джихадом», который стремится изгнать «неверных» из «мусульманских земель». Социальная дезинтеграция, масштабная эскалация этнорелигиозного насилия и крах гражданского общества в северокавказском регионе становятся серьезной проблемой для России, переживающей новую эру политического транзита.

Реализация политики интеграции на региональном уровне направлена на обеспечение ценностно-политической консолидации мультиэтнических и мультикультурных сообществ. Стабильность и модернизационная активность российских регионов напрямую зависят от масштабов интеграционной политики. Северный Кавказ, входящий в группу наиболее нестабильных российских регионов, становится одним из главных объектов интеграционных процессов. В этой связи исследование антиконфликтного, нормативно-социального, ценностно-инклюзивного потенциала политики интеграции и анализ механизмов адаптации этнорегиональных сообществ к условиям системной модернизации являются наиболее актуальными в долгосрочной стратегии национальной политики.

Копенгагенская декларация социального развития, принятая на Всемирной встрече на высшем уровне, посвященной проблемам социального развития 6–12 марта 1995 г. (The World Summit for Social Development (WSSD)), определила цель социального развития как создание «общества для всех». Социокультурная интеграция – это процесс построения ценностей, отношений и институтов, необходимых для достижения такого общества. Фокус современных политико-философских исследований интеграции все чаще зависит от анализа структуры властных отно-

шений, социальной и национальной политики, институтов и ценностей, которые позволяют властным и экономическим элитам сохранять свою доминирующую позицию. С этой точки зрения, дезинтегрированные слои общества не просто исключаются из «большого общества» (mainstream society), но становятся включенными в социально-политическую жизнь государства на неравных условиях в рамках отношений дискриминации, конфликта, насилия и эксплуатации.

Копенгагенская декларация социального развития обеспечивает широкую межсекторальную платформу, на которой разрабатываются стратегии содействия социокультурной интеграции. До принятия Копенгагенской декларации социальная политика в интеграционной сфере была связана с проблемами предоставления основных услуг и социальной защиты. Декларация расширила эту повестку дня, подчеркнув важность урегулирования конфликтов и деэскалации насилия. Кроме того, Копенгагенская декларация определила фундаментальные принципы, которые должны применяться в целях содействия социокультурной интеграции: 1) перераспределение социально-экономических ресурсов, 2) политическое представительство этносоциальных групп и 3) признание их этнокультурной идентичности [3, р. 47].

Касательно перераспределения социально-экономических ресурсов в Копенгагенской декларации изложена необходимость активных действий по устранению неравенств в доходах и богатстве, а также обеспечению роста благосостояния. Что касается политического представительства, то Декларация вверяла правительствам стратегию социокультурной интеграции, которая должна способствовать расширению участия людей на всех уровнях принятия решений, а также большей прозрачности и подотчетности правительств. Копенгагенская декларация также признавала необходимость принятия политических мер в связи с усиленными требованиями в отношении признания культурной идентичности этносоциальных групп, а также действий по борьбе с дискриминацией, межгрупповыми конфликтами и насилием.

Ключевая задача для разработчиков государственной политики, продвигающей новую

стратегию социокультурной интеграции – обеспечить межсекторальную согласованность и комплекс мер, которые являются взаимосогласованными с точки зрения обеспечения безопасности, равенства и благосостояния для всех этносоциальных групп в государстве. В этой связи современная политика социокультурной интеграции требует фундаментальной трансформации ценностей и институтов, которые могут «увечивать» неравные, антагонистические, дискриминационные отношения и тем самым способствовать эскалации напряженности, а в этнической сфере – росту деструктивных этнорегиональных конфликтов.

Задача комплексного исследования интеграции связана с анализом ее ценностно-инклюзивной модели как актуального способа конструктивного разрешения конфликтов в региональном измерении. По мнению Р. Запаты-Барреро и Р. Гропас, политика интеграции предполагает императивное участие граждан в политической жизни, которое занимает центральное место в демократическом управлении по следующим причинам: во-первых, участие в политической жизни предлагает людям возможность влиять на результаты процессов принятия решений (они могут защищать свои интересы или интересы культурных групп, к которым они принадлежат); во-вторых, политическое участие имеет системную функцию «политической социализации» с точки зрения усиления чувства гражданской принадлежности и формирования общей идентичности. Оба этих аспекта имеют решающее значение для урегулирования региональных конфликтов, социокультурной сплоченности и динамичного развития демократических государств, характеризующихся культурным и этническим разнообразием [4, р. 53]

Как отмечают Э. Бэббит и Ф. Хэмпсон, разрешение региональных конфликтов – это динамичная, междисциплинарная область, где теория и практика влияют на реальные события: «ученые, работающие над разрешением конфликтов изучают феномен конфликта и анализируют способы его деэскалации, привнося свои идеи и концепции в вопросе воздействия на фактические, актуальные конфликты, будь то внутренние этнические или международные, с тем, чтобы способствовать коллектив-

ной интеграции и повышению эффективности отношений между государствами и социальными группами. Разрешение конфликтов – это идеи, теории и методы, которые могут способствовать сокращению насилия и активизации интеграционных процессов для согласования ценностей и гармонизации интересов» [4, р. 52]. Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, полноценная теория этнического конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и интеграции, являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие [10, р. 64].

Политическое участие этнических и культурных групп принадлежит к одному из четырех базовых измерений политики интеграции, наряду с: 1) правами, предоставленными для мигрантов со стороны принимающего сообщества; 2) персональной и групповой идентификацией с принимающим сообществом; 3) социальной инклюзией, принятием демократических норм и гражданских ценностей как необходимым условием интеграции.

Противоречивое сочетание интеграционных и дезинтеграционных тенденций регионального развития знаменует начало XXI века. Взятые вместе, они создают фундамент для системной солидарности и новой интеграционной политики. Определение социокультурной интеграция в категориях системной интеграции связано с работами Д. Локвуда, обратившего внимание на необходимость теоретического синтеза альтернативных парадигм – нормативных теорий неофункционализма 1950-х гг. и теорий конфликта Л. Козера, Р. Дарендорфа, Л. Крисберга, М. Дойча, Дж. Рекса [15]. По мнению Дж. Рекса, проблемы урегулирования этнических конфликтов и политической интеграции культурных меньшинств генерируют государственные ответы в виде идеологии и практики мультикультурализма. В современном мире существуют неоконсервативные и неолиберальные варианты ответов на «демографическое присутствие» меньшинств:

1. Полное исключение культурных меньшинств из социальной и политической сферы, отказ от предоставления гражданства и возвращение меньшинств в страны происхождения.

2. Непризнание культурной инаковости и обособленности меньшинств при условии предоставления гражданства в процессе натурализации.

3. Поддержка трудовых мигрантов и их детей в качестве временных жителей, не имеющих право на получение гражданства.

4. Продвижение различных форм политики мультикультурализма: а) признание культурных меньшинств на государственном уровне как части институциональной структуры; б) создание новой «гибридной культуры» с автономией для меньшинств на основе приоритета индивидуальных прав, при этом ни одна этническая группа не является привилегированной по отношению к другой [7, р. 43].

Социокультурная интеграция соотносится с базовыми принципами кросс-культурного взаимодействия, благодаря которому субъекты связаны друг с другом в общем идентификационном и ценностном пространстве; понятие системной интеграции характеризует функциональные отношения между структурными и институциональными элементами социокультурной системы. Однако само использование понятия «интеграция» не означает, что описываемые социокультурные отношения и взаимодействия имплицитно гармоничны. Условия системной интеграции могут заключать в себе как социальный порядок, так и групповой конфликт.

Ключевой вопрос современных интеграционных теорий касается взаимосвязи между политическим участием мигрантов и политической консолидацией. Социокультурная интеграция мигрантов имеет отношение, во-первых, к групповой идентификации с политической системой; во-вторых, их активному участию в политической жизни путем голосования или участия в публичной сфере; в-третьих, осознанию того, что они услышаны властями. В этом контексте следует отметить, что эффективность интеграции и участия в политическом процессе зависят от страны происхождения и принимающей страны, личностных качеств мигрантов, изменений в структуре политических возможностей, возникающих в принимающем сообществе.

По мнению Ж. Тилье и Б. Слийпера, существуют две фундаментальные нормативные концепции политической философии, ле-

жащие в основе теории политической интеграции: «демократия» и «государственность (nationhood)». В рамках «концепции демократии», центральная проблема политики интеграции связана с обсуждением социального и гражданского неравенства: культурные и этнические меньшинства мигрантов здесь определяются как иностранцы, которые должны стать гражданами с сохранением уникальной культурной идентичности. В рамках «концепции государственности» вопрос о политической и социокультурной интеграции решается с точки зрения конструирования гражданской идентичности мигрантов, которые в конечном итоге должны стать соотечественниками, членами политического сообщества [11, р. 50].

Эти базовые измерения политики социокультурной интеграции могут быть разделены на «минималистские» и «максималистские» концепции демократии и государственности. В минималистской концепции демократии главным результатом эффективной политики интеграции является наличие равных гражданских, социальных и политических прав. Данная концепция связана с политической философией классического либерализма с идеей о том, что роль государства в реализации социального равенства ограничивается реализацией равенства возможностей. Максималистская концепция демократии относится к политическому дискурсу «новых левых» и теории социального либерализма, согласно которой равенство возможностей является слишком ограниченным: «реальное» равенство для культурных и этнических меньшинств означает, что их ценности, интересы и идентичности в равной степени учитываются на политической арене.

Разница между минималистской и максималистскими концепциями государственности основывается на различных концепциях нации. В минималистской концепции государственности нация воспринимается как «моральное сообщество»; главным результатом эффективной политики интеграции является «минимизация культурных различий» между большинством и группами этнических меньшинств, которые должны принять процедуры и нормы конституционной демократии, базовые политические и гражданские ценности,

специфичные для конкретного политического сообщества и включающие в себя ценности «всеобъемлющей социетальной культуры». Эта концепция связана с политической философией коммунитаризма. В максималистской концепции государственности нация трактуется в перспективе республиканизма, где нивелируются культурные различия и этнические идентичности на основе приоритета «политической лояльности». По мнению Х. Вермюлена и Б. Слийпера, данная концепция связана с политической философией «неореспубликанизма» [22, р. 37]

Как отмечают Ж. Тилье и Б. Слийпер, вышеназванные теоретические различия приводят к экспликации базовых концепций социокультурной интеграции: 1) социальной инклюзии; 2) политического участия; 3) аккультурации; 4) ассимиляции. Хотя на нормативном уровне существуют «напряженные отношения» между этими четырьмя концепциями, Ж. Тилье и Б. Слийпер подчеркивают, что «эмпирически они не являются взаимоисключающими»: «формальная интеграция» не является оппозицией «интеграции широкого участия» (*participatory integration*), а скорее ее необходимым условием, основанием для построения комплексной ценностно-нормативной модели социокультурной интеграции [21, р. 39].

Результаты

В северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении этнических различий, но на принципах политического участия, ценностной консолидации, социальной инклюзии, равенства возможностей, кросс-культурного взаимодействия и гражданской солидарности. При обсуждении антиконфликтных механизмов политики социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее: во-первых, интеграция – макрополитический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения региональной и национальной безопасности России; во-вторых, развитие северокавказского макрорегиона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость ориентации на изоляционизм и автаркию этни-

ческих систем в рамках единого политического пространства.

Проведенный анализ позволяет эксплицировать фундаментальные детерминанты ценностно-нормативной модели социокультурной интеграции:

1) чем выше степень интеграции и солидарности в обществе, тем более высокой будет поддержка государства в таких областях, как образование, медицинское страхование, социальные программы;

2) чем выше степень сплоченности и солидарности, тем более строгими будут соблюдение социальных норм, социальной лояльности, поддержка таких гражданских институтов и демократических ценностей, как социальное доверие, моральная ответственность, политическая консолидация, права человека, уважение к закону, толерантность, компромисс;

3) социальные институции, основанные на инклюзивных гражданских ценностях, делают групповое сотрудничество рефлексивным, рациональным, политически и этически необходимым;

4) более высокий уровень политического участия повышает уровень ценностной консолидации, что не только способствует интеграции, но и увеличивает социальный капитал;

5) социокультурная интеграция как инструмент конфликтного разрешения и восходящего миростроительства может служить превентивным методом управления этническими конфликтами на Северном Кавказе.

Социокультурная интеграция – целерациональный процесс построения гражданских институтов, необходимых для создания такого справедливого и динамичного общества, где все люди, независимо от их расы, этничности, пола, языка или религии, могут в полной мере осуществлять свои права и обязанности наравне с другими, тем самым содействуя макросоциальной солидарности и демократизации общества. Социокультурная интеграция стремится к формированию и поддержанию ценностно-идентификационных условий гармоничного и бесконфликтного взаимодействия структурных элементов этносоциальной системы, баланса между этническими группами. Успешная интеграция формирует институциональные и ценностно-нормативные паттерны этносоциальных интеракций:

этнические группы интегрируются, чтобы избежать деструктивных межобщинных конфликтов и нарушения целостности этнорегиональной системы, тем самым содействуют социальной стабильности и политической консолидации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента МД-7429.2015.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Парубочая, Е. Ф. Исламский фундаментализм в современной России / Е. Ф. Парубочая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 3. – С. 150–160. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.14>
2. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ, 2004. – 635 с.
3. Aliyev, H. Efficiency in an Armed Conflict. The Role of Civil Society in the Escalation of Violence in the North Caucasus / H. Aliyev // IFHV Working Paper. – 2011. – № 1 (1). – P. 40–54.
4. Babbitt, E. Conflict Resolution as a Field of Inquiry: Practice Informing Theory / E. Babbitt // International Studies Review. – 2011. – Vol. 13. – P. 46–57.
5. Bakke, K. Reconciliation in Conflict-Affected Societies: Multilevel Modeling of Individual and Contextual Factors in the North Caucasus of Russia / K. Bakke // Annals of the Association of American Geographers. – 2009. – № 99 (5). – P. 31–45.
6. Chapman, J. System Failure: Why governments must learn to think differently / J. Chapman – London : Demos, 2002. – 324 p.
7. Cornell, S. Conflicts in the North Caucasus / S. Cornell // Central Asian Survey. – 1998. – № 17 (3). – P. 409–441.
8. Curle, A. New Challenges for Citizen Peacemaking / A. Curle // Medicine and War. – 1994. – № 10 (2). – P. 96–105.
9. Falkowski, M. On the Periphery of Global Jihad. The North Caucasus: The Illusion of Stabilization / M. Falkowski // OSW Center for Eastern Studies. – 2014. – № 45 (11). – P. 98–122.
10. Fearon, J. Explaining Interethnic Cooperation / J. Fearon, D. Laitin // The American Political Science Review. – 1996. – Vol. 90. – P. 57–74.

11. Fennema, M. Political participation and political trust in Amsterdam: Civic Communities Ethnic Networks / M. Fennema, J. Tillie // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 1999. – № 25 (4). – P. 48–77.
12. Gendron, R. Alternative Dispute Resolution in the North Caucasus / R. Gendron // Caucasian Review of International Affairs. – 2009. – № 3 (4). – P. 52–77.
13. Gyrecki, W. No Change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics amid a Local War / W. Gyrecki // OSW Center for Eastern Studies. – 2014. – № 47 (1). – P. 51–97.
14. Kivisto, P. Beyond A Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration / P. Kivisto, T. Faist. – Thousand Oaks, CA : Pine Forge Press, 2010. – 350 p.
15. Kymlicka, W. Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 410 p.
16. Lederach, J. Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies / J. Lederach. – Washington, D.C. : United States Institute of Peace Press, 1997. – 275 p.
17. Morales, L. Is 'Home' a Distraction? The Role of Migrants' Transnational Practices in Their Political Integration into Receiving-Country Politics / L. Morales, M. Morariu // Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Marking Multicultural Democracy Work? – London : Palgrave Macmillan, 2011. – 371 p.
18. Morawska, E. Disciplinary Agendas and analytic Strategies on Immigrant transnationalism: Challenges of Interdisciplinary Knowledge / E. Morawska // International Migration Review. – 2003. – № 37 (3). – P. 611–640.
19. Portes, A. Immigrant America. A Portrait / A. Portes, R. Rumbaut. – Berkeley : University of California Press, 2006. – 292 p.
20. Senehi, J. Constructive Storytelling: A Peace Process / J. Senehi // Peace and Conflict Studies. – 2002. – № 9 (2). – P. 41–63.
21. Tillie, J. Immigrant Political Integration and Ethnic Civic Communities in Amsterdam / J. Tillie, B. Slijper // Identities, Affiliations, and Allegiances. – New York : Cambridge University Press, 2007. – 437 p.
22. Vermeulen, H. Multiculturalism and culturalism. A social scientific critique of the political philosophy of multiculturalism / H. Vermeulen, B. Slijper // Nationalism, Regional Multiculturalism and Democracy. Center for European Integration Studies. – 2002. – № 2. – P. 7–42.

REFERENCES

1. Parubochaya E.F. Islamskiy fundamentalizm v sovremennoy Rossii [Islamic Fundamentalism in

- Modern Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 3, pp. 150-160. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.14>.
2. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsionalnoy identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow, AST Publ., 2004. 635 p.
 3. Aliev H. Efficiency in an Armed Conflict. The Role of Civil Society in the Escalation of Violence in the North Caucasus. *IFHV Working Paper*, 2011, no. 1 (1), pp. 40-54.
 4. Babbitt E. Conflict Resolution as a Field of Inquiry: Practice Informing Theory. *International Studies Review*, 2011, vol. 13, pp. 46-57.
 5. Bakke K. Reconciliation in Conflict-Affected Societies: Multilevel Modeling of Individual and Contextual Factors in the North Caucasus of Russia. *Annals of the Association of American Geographers*, 2009, no. 99 (5), pp. 31-45.
 6. Chapman J. *System Failure: Why governments must learn to think differently*. London, Demos, 2002. 324 p.
 7. Cornell S. Conflicts in the North Caucasus. *Central Asian Survey*, 1998, no. 17 (3), pp. 409-441.
 8. Curle A. New Challenges for Citizen Peacemaking. *Medicine and War*, 1994, no. 10 (2), pp. 96-105.
 9. Falkowski M. On the Periphery of Global Jihad. The North Caucasus: The Illusion of Stabilization. *OSW Center for Eastern Studies*, 2014, no. 45 (11), pp. 98-122.
 10. Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation. *The American Political Science Review*, 1996, vol. 90, pp. 57-74.
 11. Fennema M., Tillie J. Political participation and political trust in Amsterdam: Civic Communities Ethnic Networks. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 1999, no. 25 (4), pp. 48-77.
 12. Gendron R. Alternative Dispute Resolution in the North Caucasus. *Caucasian Review of International Affairs*, 2009, no. 3 (4), pp. 52-77.
 13. Gyrecki W. No Change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics amid a Local War. *OSW Center for Eastern Studies*, 2014, no. 47 (1), pp. 51-97.
 14. Kivisto P., Faist T. *Beyond A Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration*. Thousand Oaks, CA, Pine Forge Press, 2010. 350 p.
 15. Kymlicka W. *Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 410 p.
 16. Lederach J. *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. Washington, D.C., United States Institute of Peace Press, 1997. 275 p.
 17. Morales L., Morariu M. Is 'Home' a Distraction? The Role of Migrants' Transnational Practices in Their Political Integration into Receiving-Country Politics. *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Marking Multicultural Democracy Work?* London, Palgrave Macmillan, 2011. 371 p.
 18. Morawska E. Disciplinary Agendas and analytic Strategies on Immigrant transnationalism: Challenges of Interdisciplinary Knowledge. *International Migration Review*, 2003, no. 37 (3), pp. 611-640.
 19. Portes A., Rumbaut R. *Immigrant America. A Portrait*. Berkeley, University of California Press, 2006. 292 p.
 20. Senehi J. Constructive Storytelling: A Peace Process. *Peace and Conflict Studies*, 2002, no. 9 (2), pp. 41-63.
 21. Tillie J., Slijper B. Immigrant Political Integration and Ethnic Civic Communities in Amsterdam. *Identities, Affiliations, and Allegiances*. New York, Cambridge University Press, 2007. 437 p.
 22. Vermeulen H., Slijper B. Multiculturalism and culturalism. A social scientific critique of the political philosophy of multiculturalism. *Nationalism, Regional Multiculturalism and Democracy. Center for European Integration Studies*, 2002, no. 2, pp. 7-42.

Information about the Author

Maksim E. Popov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Department of Social Philosophy and Ethnology, North-Caucasus Federal University, Kulakova St., 2, 355009 Stavropol, Russian Federation, maximus.popov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4321-6920>

Информация об авторе

Максим Евгеньевич Попов, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Кулакова, 2, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, maximus.popov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4321-6920>